

18+

ВАЛЕРИЯ ЛИХНИЦКАЯ

Се, Человек...

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Валерия Лихницкая

Се, Человек. сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18575646

ISBN 9785447481087

Аннотация

В сборник входят рассказы «Се, Человек», «Облака», «Конец света», «Сосед» и другие рассказы, написанные в разное время. Их персонажи – люди, герои, боги и мы с вами, кем бы мы ни были. О чем они? О жизни, о поиске смысла, поиске себя, о выборе, который стоит перед каждым из нас, о готовности сделать выбор... и о самой жизни. И о том, что рядом с нами всегда Он – Бог, Дьявол или... сосед по лестничной клетке...

Содержание

Се, Человек...	5
Облака	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Се, Человек
сборник рассказов
Валерия Лихницкая

© Валерия Лихницкая, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Се, Человек...

Я сидел за столиком у окна, пил кофе и курил. Кофе был паскудным, настроение и погода – тоже. На улице моросил дождь... да, именно моросил, он не бил в стекло, не рвался в помещение, не пытался просочиться через щели оконных рам и обрушиться на тех, кто наивно полагал, что хлипкое творение рук человеческого может послужить надежным убежищем от разбушевавшейся стихии...

Нет, он ничего этого не делал. Просто тихо скребся, почти беззвучно, жалобно и безнадежно, едва касаясь стекла и оставляя на нем следы – маленькие точки, совсем крохотные, они прилипали к гладкой поверхности, цеплялись друг за друга, сбивались в корявые кляксы, которые начинали расползаться, пока не заполнили собой все дозволенное им пространство, занавесив его сплошным полотном бесцветной мути.

– У вас свободно?

Я мысленно выругался. Верно говорят, беда не приходит одна. Именно здесь, именно сейчас, когда я не хочу никого видеть, не желаю ни с кем общаться – даже столик выбрал так, что его сразу-то и не найдешь... И на тебе! Медом здесь, что ли намазано?

Я сделал глубокую затяжку. Конечно же, у меня занято. И столик маленький. И еще я курю. Много. А зал, между

прочим, для некурящих...

За окном все также угрюмо шелестел дождь. Или это не дождь, а моя совесть? Также как и он, тихонечко скребется, не надеясь, в общем-то, на успех, но все же в глубине души – или как эта субстанция может у совести называться, – уповая на то, что когда-нибудь я все же соизволю вспомнить о ней, и, возможно, на радостях, даже впущу погреться...

Зал полон, свободных мест нет, а погода... В такую погоду даже самый плохой хозяин собаку на улицу не выгонит.

– Присаживайтесь, – небрежно бросил я, пододвигая к себе пепельницу. – Курите?

– Спасибо, – приветливо улыбнулся мой сосед. – Нет, как-то не сложилось... Но за предложение благодарю.

Я пожал плечами.

– Как хотите, дело хозяйское... Там что-нибудь изменилось? – кивнул я в сторону улицы.

Он слегка усмехнулся.

– За последние две тысячи лет – вряд ли...

Я едва не поперхнулся.

– Шутить изволите?

Мой собеседник обезоруживающе рассмеялся.

– Да так, немножко. Если повод есть, что ж не пошутить?

Он был... ни высоким, ни низким, ни худым, ни толстым, таких, как он, можно встретить везде – неприметная внешность, простая одежда, вроде бы ничего особенного, если бы...

Если бы не его глаза. Огромные, глубокие, задумчивые, но вместе с тем, приветливые и лучистые... Стоит в них только заглянуть, и понимаешь, что все твои проблемы – су- щая ерунда...

– Ну вот, видите, вы уже улыбаетесь! – обрадовался он.

– Это мимическое упражнение такое, – фыркнул я, чувствуя, что мои губы действительно растягиваются в нелепое подобие улыбки. – Чтоб растренировки не было...

– И часто приходится упражняться?

– Да когда как, – я снова затянулся, но он и бровью не повел. – Я вообще-то сам люблю пошутить, но сейчас... Пого- да не способствует.

Он с удивлением уставился в окно, словно только сейчас заметил то, что там происходит.

– А что погода? – его допрос меня добил окончательно.

Я выпустил дым, медленно затушил сигарету, достал дру- гую, чиркнул зажигалкой, прикрыл глаза.

Что погода? Да ничего... Бесцветная... или там уже мок- рый снег пошел? Тогда белесая... хотя, какая разница? Муть, она и есть муть, какая бы ни была, лучше от этого не станет.

Тучи затянули небо тяжелым, душным покрывалом, каза- лось, оно опускается все ниже и ниже, заволакивая все обо- зримое пространство. Хотя, почему – казалось? Где были тучи, где – дым, клубящийся над огромными трубами про- мышленных предприятий, где липкий туман, а где – простой

бытовой смог, разобрать было невозможно. Душно, липко, промозгло, мерзко... И вся эта муть стояла на улице, робко шаркая под окном рваным серым плащом... Причем, ладно бы – постучалась, попросилась! А то стоит себе под окном, скребется... на нервы только действует. Не то, чтоб просит, но так, стыдливо обозначает свое присутствие – вроде как, мне вот тут без вас плохо и одиноко, но вы не переживайте, можете не обращать на меня внимания, я же не требую... Буду просто молча страдать... и пусть это останется на вашей совести... если она у вас, конечно, есть...

Я передернул плечами. Да, вот это меня плющит... Странно... Прежде у меня такого не было. Вот так, без видимой причины...

– Да, мой друг, – покачал головой мой сосед. – Что-то ты совсем расклеился.

– Старею, наверное, – хмыкнул я.

Он приподнял бровь.

– Ты же сказал, что это все погода?

– Во-во. Метеозависимость – признак старости.

Официантка кокетливо процокала каблучками, протянула моему визави меню, заменила пепельницу, не забыв при этом обворожительно улыбнуться.

– Это, как я понимаю, тоже – признак старости, да? – подмигнул мой собеседник.

– Зависть, кстати, смертный грех... – прищурился я.

– Да неужели?

– А то...

Не знаю, кто меня тянул за язык. Я изначально не соби-
рался ни с кем общаться. Ан нет – пустил за свой столик, си-
гaretу предложил, беседу поддержал... Осталось только еще
заплатить по его счету – и тогда я пойму, что мне действи-
тельно пора в отпуск. Продолжительный. С оплачиваемым
больничным. Потому что, будучи в здравом уме, я никогда...

– Здесь горячий шоколад очень вкусный, рекомендую, –
это кто сказал? Я?!

– Спасибо, вы очень добры.

– Нисколько.

Он мягко улыбнулся.

– Просто у меня вкус хороший, – добавил я.

Он развел руками, показывая, что даже не сомневался
в моих словах. Я отхлебнул глоток уже остывшего кофе
и невольно скривился.

– Мерзость какая!

– А зачем тогда ты его пьешь?

Хороший вопрос... Никогда не знал, как на него отвечать.
А ведь таких «зачем?» в моей жизни было великое множе-
ство... Зачем влез в лужу, зачем сунул палец в розетку, зачем
стукнул соседского Павлика, зачем дергал за косички Катю,
зачем курил в школьном туалете... Зачем женился... Это я
кстати, по сей день понять не могу. А он мне про кофе!

– Пожалуйста, еще один двойной эспresso, – продиктовал
я материализовавшейся рядом со мной улыбчивой офици-

антке. – Да, и... Один горячий шоколад. Большой.

Ну вот, докатился...

«Что тебя беспокоит?»

Меня? Ничего. Меня вообще ничего никогда не беспокоит. Бывшая жена называла меня подонком. Бывшая любовница тоже. Настоящая... пока нет. Впрочем, я сам ей в этом признался еще при первой встрече. Она только рассмеялась, предположив, видимо, что я пошутил. Но это – чистая правда, и я не вижу смысла в том, чтобы это скрывать. Тем более, что мои женщины, а их мнению я склонен доверять, называли меня этим словом весьма аргументированно.

Да, я подонок. Потому что меня никогда не беспокоили чужие проблемы... Меня и свои не очень-то беспокоят...

«И много их у тебя?»

Да нет их вообще. Просто – нет. Встреча сегодня сорвалась... Но это разве проблема? Сорвалась по глупости, так сказать, по техническим причинам. Надо лишь позвонить и назначить время, вот и все... Вся договоренность остается в силе.

«А что не звонишь?»

Думаю.

«О том, что она не зря сорвалась? И стоит ли ее назначать вообще?»

Так, стоп... это я с кем сейчас разговариваю? И вообще, я разве что-то говорил? Что-не то они в кофе подсыпают – может, потому он и такой премерзкий...

Я поднял глаза на своего собеседника... Он помешивал маленькой ложечкой густую темную массу в большой фарфоровой чашке, делая вид, что крайне увлечен этим процессом, и только молча улыбался, видимо, своим мыслям... Или моим... Бред! Все-таки надо послать ко всем чертям все дела и свалить в отпуск на пару недель. Точно. Так и сделаю.

Телефон. Звонит. Настойчиво так... Раздражительно... Нет меня! Всё-таки надо взять трубку. Да, встреча отменилась, деловой партнер встал в пробке – причина банальная, но всё-таки... Впрочем, меня это не сильно расстроило – да, жаль потерянного времени, но сама встреча была не такой уж важной. А если поразмыслить, то...

Ну да, мне изначально не нравилась эта идея. Я изначально не хотел на нее соглашаться. Почему – не знаю, но что-то мне не нравилось. Сделка как сделка, вроде бы, повода для беспокойства не было, и люди проверенные, да и деньги приличные... Но моя интуиция что-то нашептывала, правда, что именно, я не мог разобрать, и это меня немного беспокоило. Интуиция – не совесть, к ее советам я обычно прислушиваюсь. Может, это прозвучит цинично, но это единственная женщина, которой я склонен доверять, пожалуй, больше, чем самому себе.

Нет, я не суверен. Нет, я не считаю, что срыв сделки – это знак. Я вообще не верю в знаки судьбы. И вообще – мало во что верю. Кроме как в самого себя.

Погода за окном совсем испортилась. Поднялся ветер

и белесые хлопья перешли в атаку. Представляю, как я сейчас ехать буду – видимость нулевая, слякоть на дороге, туман, лобовое стекло все уже залеплено по самое не хочу, «дворники» эту кашу будут размазывать, и то – без толку, оно все будет сыпаться, сыпаться, сыпаться... А если подождать, еще чуть посидеть? Да нет, погода вряд ли нормализуется, еще ко всему прочему стемнеет... И дорога встанет – пятница, вечер, в сторону области скорость – проще пешком дойти...

Телефон разрывался. Как мне пришло в голову такой противный звонок поставить?

– Слушаю!

Мой сосед оторвался от своего увлекательного занятия, пододвинул ко мне стакан воды – видимо, я как-то слишком резко это произнес... и громко. И нервно. И не произнес, а рывкнул. Надо над собой работать.

– Сейчас? – Ну вот, если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Какой настойчивый у меня заказчик! – А во сколько? Куда подъехать? Подождите, я запишу...

Я поискал глазами свою ручку. Потом похлопал по нагрудному карману. В офисе, что ли, забыл? Ну что за день сегодня!

– Мою возьмите, – предложил гость.

– Спасибо. Записываю. Давайте поступим так. Я все согласую и позвоню вам в течение десяти минут. До связи. – Я вернул ручку соседу. – Еще раз спасибо.

– Не благодарите, – отмахнулся он. – Это, в сущности, ерунда. Поедете?

Я пожал плечами.

– Не решил еще.

Он понимающе кивнул. Я потянулся за сигаретой, смял опустевшую пачку, художественно затолкал ее в пепельницу, щелкнул зажигалкой, закурил.

– Помочь? – посочувствовал сосед, наблюдая за моими метаниями.

– Чем? – мне осталось только уныло усмехнуться.

– А вы расскажите.

– А вы что, психоаналитик?

– Мне кажется, имеет большее значение, не кто я, а кто вы, – ушел он от ответа.

Я потер висок. Кто я? Судя по моему недавнему мысленному диалогу – будущий пациент психиатрической клиники.

– Я... Не смотрите так, сейчас разочаруетесь – простой бизнесмен. Да, именно простой. Не граблю, не убиваю, родину не продаю. Зарабатываю деньги. Простите за метафору, своим горбом.

– Ну и как, много заработали?

– Да как сказать... – я снова затаился, чувствуя, как пальцы начинают мелко подрагивать, кажется, с кофе я немного погорячился. – Мне хватает. Запросы у меня не бог весть какие, но аскетом меня назвать сложно даже с большой натяжкой. Звезд с неба не хватаю, но... пошиковать люблю.

Он улыбнулся.

— Это чувствуется, — я так и не понял, была ли в его словах ирония или мне это послышалось. — Вы счастливы?

А что, по мне не заметно?! Да я самый счастливый человек на свете! Я прикусил губу, чтобы ничего лишнего не брякнуть — все-таки человек серьезно интересуется, искренне помочь хочет.

И потом, ну и что такого особенного он спросил? Я вот никогда об этом не думал...

— Скорее да, чем нет. Многие мне даже завидуют...

— Я не спрашиваю, что думают многие, — оборвал он меня. — Что думаете вы сами?

Я думаю, что...

...что хочу в отпуск, хоть немного отдохнуть, причем, поеду — неважно куда, но один. Иначе если я каждый божий день буду слышать «милый, как ты думаешь, мне эту шляпку надеть или эту? а с какой сумочкой? а вот эти туфельки тебе как?», то моя нервная система все же даст сбой и домой я вернусь скорее всего без обладательницы этих модных аксессуаров...

...что устал от этого круговорота — зарабатываешь затем, чтоб отдохнуть, а потом уже никакой отдых не в радость, потому что так устал, что жить не хочется. Потом все же бросаешься в отрыв и... опять — за работу. Шило-мочало, начинай сначала...

...Что не хочу ехать на эту самую встречу... Почему?! Да

потому что – не хочу. И всё.

«А поподробней?»

Поподробней... Да нет в этой сделке ничего такого, все в порядке, но... Заключив ее, я могу подвести одного человека, которого я очень уважаю. Подвести не прямо, а всего лишь, косвенно, возможно его все это и не коснется... И потом, даже если это случится, о моем участии он никогда не узнает, так что мне это ни чем не грозит. Да и если узнает – неприятно, конечно, будет, но я хорошим никогда и не прикидывался, а законы бизнеса суровы... Как говорится, дружба дружбой, а... К тому же, он мне и не друг, а просто знакомый, ну, в худшем случае, будет ко мне хуже относиться, но я вроде не сто долларовая купюра, чтоб всем нравиться...

«Иными словами, тебя мучает совесть...»

Совесть?! Мучает?! Меня?! Как может мучить то, чего нет? Фантомные боли, еще скажи...

– Ой, простите, я что-то задумался.

– Ничего, это хорошо.

Замечательно просто!

– Продолжайте.

– Рассказывать? Или задумываться?

Он развел руками:

– Это уж как вам будет удобно.

Да никак мне не удобно. Виски ломит, глаза режет, в голову всякая муть лезет... А еще ехать... Причем, сейчас –

потом дорога встанет, не проеду. А я тут о чести, совести и счастье демагогию развожу... Мыслитель, тоже мне... Философ...

– Глотните, легче станет.

Глотнул. Легче стало. Что это, кстати? Боже, какой букет!

– Отличное вино...

Первый раз за столько лет пью вино из граненого стакана... Ну, студенчество не в счет, там и не такое пили... Хотя... такого я точно никогда не пил. Господи, да я вообще ничего подобного не пробовал! Что это? Всегда вроде считал себя ценителем, а букет распознать не могу... А не прост мой сосед, такой тихий, спокойный, шоколадом балуется, божий одуванчик просто – а вон какой винчик пронес, ну само собой, не здесь же заказал, тут такого и нет, и не было никогда... Да и вряд ли будет. В тихом омуте, как говорится...

Голову начало отпускать. Да вы, батенька, дохтур?

– А теперь давай по порядку, – его глаза стали необычайно серьезными.

По порядку? Давай.

– Андрей – мой знакомый. Не раз меня выручал. А сейчас... Я подонок, конечно, мне все равно, что обо мне думают другие, но...

– Не все равно, что ты думаешь о себе сам, – подхватил он, когда я запнулся. – И ты стоишь перед выбором – сделать так, как тебе выгодно или так, как подсказывает тебе твоя совесть.

– При чем тут совесть? – вспыхнул я. – Глупости все это.

– И именно из-за этих глупостей ты не находишь себе места. А ты не заметил, что хочет от тебя судьба?

– Судьба?

Я рассмеялся. Вот уж действительно бред. При чем здесь судьба? Еще – Бог, скажи! У меня начало рябить в глазах, все очертания немного смазались, и лишь собеседника я видел очень четко. Вернее, только его взгляд... Да вы, батенька, не дохтур, вы – драгдилер!

В мозгу начали вспыхивать картинки, которые услужливо подсовывала моя память.

Вот я вижу Андрея, вот мы все вместе сидим в шумной большой компании. Играет музыка, всем очень весело... Моя бывшая – тогда еще настоящая жена что-то мне рассказывает, но я ее не слышу – я жду звонка, у кого как, а у меня на утро запланированы важные переговоры... Впрочем, как всегда. Она обижается, устраивает сцену и уходит на балкон. А дальше... Там она встречает Андрея и начинает его соблазнять, но он ей отказывает – хотя я знаю, что она ему нравится... очень. Он буквально спаивает ее и относит на руках в комнату, где я в это время разговариваю по телефону, ничего вокруг не видя и не слыша.

Стоп! Откуда я это знаю? Если я *«разговариваю по телефону, ничего не видя и не слыша»*? Это не могут быть мои воспоминания! Но тогда – чьи? Тогда – что?!

Времени обдумать это у меня нет, в сознание врывается

следующая зарисовка.

Снова веселье, на этот раз я в полном загуле – сделка все-таки состоялась. Я счастлив, весел, и пьян. И немного безумен. Рядом со мной – моя девушка, перед которой мне очень хочется пофорсить. Я вскакиваю на парапет балконной ограды и начинаю показывать, на что я способен. Способен я на многое. Нет, я не срываюсь, я – герой, я – супермен, я – вознагражден. Поцелуем, и, соответственно – его продолжением в собственном кабинете. А потом... уже не помню, с чего все началось, слово за слово, мы ссоримся, начинается скандал, и она уходит. Я пытаюсь ее задержать, но не успеваю, тогда напиваюсь еще больше, но от этого только еще больше злюсь, в результате совсем перестаю себя контролировать, и запрыгиваю на тот самый парапет... И падаю... Вернее, начинаю падать – меня в самый последний момент ловит чья-то рука. Кто это был – я не видел, впрочем, и то, что я вообще лез невесть куда, я не помнил. Я помнил только, что мы поссорились, я напился и... утром проснулся с распухшим плечом – растяжение я все же получил, но вдаваться в подробности не стал – мало ли? Что случилось, мне никто не рассказал, впрочем, никто этого и не знал, кроме того, кто...

– Это был он? – надтреснутым голосом спросил я.

Мой «психоаналитик» кивнул.

– Дальше продолжать?

– А что, еще что-то было?

– И не раз, – совершенно спокойно ответил он, с каким-то детским восторгом пробуя шоколад. – Но разве это важно?

Я почувствовал, как по спине бежит холодный пот.

– Почему ты мне сейчас это рассказал? – собственный голос показался мне чужим.

Он развел руками.

– Как ты говоришь, если гора не идет к Магомету... У тебя сорвалась встреча. Это раз. На улице окончательно испортилась погода. Это два. Ты не смог найти ручку, чтобы записать адрес, куда тебе будет нужно подъехать. Это три. И, наконец, ты не побрезговал угоститься вином, а за руль ты, насколько я помню, в таком состоянии не садишься. Это четыре. Тебе мало?

Я прикрыл глаза.

– Складно говоришь...

– А ты как думал! – хохотнул он. – Поспоришь?

– Ну, во-первых, то, что встреча отменилась – это еще не знак судьбы, – попробовал возразить я. Он подпер подбородок кулаком, с видимым удовольствием приготовился слушать мои жалкие потуги. – Погода... И что погода? Езжу я осторожно...

– Ты – да. Именно поэтому ты не стал бы садиться за руль, не взвесив заранее все «за» и «против».

– Далее. Ручку я не нашел, но... – я скосил глаза на салфетку, на которой я накорябал адрес одолженной мне ручкой... Бумага была девственно чиста.

Мой собеседник хитро улыбнулся.

– Ну, это вообще не проблема, – разочарованно хмыкнул я, – можно позвонить и уточнить.

– Звони.

Мой телефон предательски пискнул, предупреждая о низком заряде аккумулятора. Ага, батарея села. Контакт забит в телефонной книжке, по памяти я его не наберу даже с чужого... Хотя... Впрочем, думаю, даже если я это сделаю, телефон абонента по каким-то причинам не сможет принять звонок...

– Правильно мыслишь.

– А вам не кажется, что у вас несколько подленькие методы? – недоверчиво прищурился я.

– Не суди, не судим будешь, – обыденно бросил он. – Кстати, действительно вкусно, – кивнул он, – спасибо за угощение.

– На здоровье.

Я пытался найти объяснение всей этой чертовщине, но мысли путались, стакан с вином снова оказался в моей руке... Стоп! А если бы я сел в машину и все же поехал? Я мог разбиться по дороге?

«Запросто».

То есть... Как?!

– Легко. Иногда лучше покинуть этот мир младенцем, не запятнав свою душу...

– Младенцем?! На на моей душе... пробы ставить негде!

– Вот поэтому ты сидишь здесь, – так же размеренно, не меняя тона, проговорил он. – Но от случайностей не застрахован никто. И потом... Мало ли, какие последствия имела бы эта сделка? Ты бы предал хорошего человека, окончательно погубил бы свою душу, а может быть, и не только свою... Никто не знает, как бы он отреагировал на предательство того, кого считал своим другом... А вдруг бы свернул со своего пути, покатился по наклонной плоскости...

– То есть, моя смерть послужила бы во благо?! – я был близок к истерике, но ничего не мог с собой поделать.

– А что тебя удивляет? И не такое бывает... Впрочем, не переживай так, как видишь, до этого не дошло – ты цел и невредим, пьешь кофе, куришь, о вечном размышляешь... Это добрый знак. Тем более, что, во-первых, у тебя хватило благоразумия никуда не ехать, а во-вторых...

– Ты меня не пустил... – обреченно продолжил я.

– Рад, что ты заметил.

– Кто ты?

– А ты как думаешь?

Я? Я уже не могу думать. Я не верю в судьбу, не верю ни в бога, ни в черта...

– Ты же сам сказал, что от случайностей никто не застрахован! – как утопающий за соломинку, уцепился я за последнее предположение, связывающее меня с моей привычной реальностью.

– Тебе понравилось? – подмигнул он. – Я знал, что тебе

будет легче поверить в случай, чем...

Так, все, хватит. Бога – нет.

«Почему?»

Потому что – нет.

«Нелогично. Ответ не принимается».

А мне плевать, все равно нет.

«Браво! Святилище разума!»

– Тогда почему все... так?

– Как «так»? Посмотри вокруг – что ты видишь?

Смотрю. Вижу... Слякоть вижу. Город вижу. Людей вижу.

Кто-то куда-то спешит, идет, едет, все в своих мыслях, делах, планах – суету вижу. Бога не вижу.

– Еще смотри. Вглубь.

Куда – вглубь? В метро, что ли? Ладно, смотрю. На улице – рекламные плакаты, высотки, устремленные в небо, гул машин... Суета сует... Все суета... Разговоры о политике, о последних новостях, о войнах, курс доллара скачет, войска миротворцев опять где-то шорох наводят, бензин дорожает, пенсии который раз обещают повысить, но никто уже ни во что не верит... Куда смотреть-то?

– Извини, ландшафт не способствует.

– В смысле?

– Ну вот привел бы ты меня в поле, в степь или в лес... – я достал новую сигарету, – в деревню... Да что там – на дачу ко мне. Встанешь утром рано, сядешь с удочкой... Солнце только поднимается... Тишина... – я мечтательно прикрыл

глаза, – никого нет, только птицы просыпаются... Вода плещется... Вот тогда, глядя на всю эту красоту, на роскошную природу, можно и подумать о том, кто это создал...

– А здесь что тебя смущает?

Я выпустил дым в потолок.

– Здесь? Ничего. Все, что здесь есть – создано человеком. Машины, дома, дороги проложены... Да что там – законы все написаны людьми, общество состоит из людей. Это город. Он построен человеком. И живут здесь люди. Простые, обычные люди.

– И в чем противоречие?

– Да ни в чем, – я нервно стряхнул пепел. – Просто Бог здесь не живет.

– Интересно... А где он должен, по-твоему, жить? – он приподнял бровь.

– Ну не знаю... На небе... На худой конец – в пустынях, среди пирамид, в лесах дремучих...

– Ага, то есть, там, где на тебя благодать снисходит, как я понимаю, – усмехнулся он.

– Ну типа того... Но не в городе. Город – не для Бога. Город – для людей. Все, что есть а городе, создал человек.

– А кто создал человека?

Я прикусил губу.

– А ты, мой друг, большой лентяй, как я погляжу, – показывал он головой.

– Почему? – искренне не понял я.

– Потому что ты хочешь, чтоб тебя опекали до самой старости. Когда еще было сказано, «будете как боги, знающие добро и зло».

– Я конечно, не теолог, – возразил я, – но насколько я помню, это людям дьявол предложил пройти, так сказать, ускоренный курс познания. После чего их из Эдемского сада и погнали поганой метлой.

Он рассмеялся.

– Как ты любишь сгущать краски! Ты сам, когда был маленький, ходил в детский сад? Там с тобой носились? И с ложечки кормили, и на горшок сажали, играми тебя развлекали, песенки тебе пели, пылинки сдували! Смотрели, чтоб в лужу не влез, чтоб не обжегся, не замерз, не порезался, не испачкался! А потом... Ты вырос. Ты же не обижаешься на свою старушку-воспитательницу на то, что она до сих пор тебе нос не вытирает...

«Человек растет. Взрослеет. Становится самостоятельным. Совершает ошибки и учится на них. Он строит себе свой собственный мир и живет в нем. Да, он несовершенен, но первый куличик, сделанный из песка также далек от идеала, как и первый нарисованный домик. Это нормально. А город – это часть мира, рукотворного мира, с домами, дорогами, машинами, со своими законами, со своей жизнью... И все это создано человеком, венцом творения. Да, он несовершенен, да, он нуждается в доработке, но...»

– Вспомни, сколько раз ты переделывал свою курсовую?

Сколько раз ты ее пересдавал? А как ты злился, когда тебе предложили ее написать за деньги? Ты сам хотел разобраться, понять и добиться результата. Так что... Не кисни, студент. Учись.

Он поднялся из-за стола.

– Еще раз спасибо за шоколад.

Я не смог ему даже ответить – просто сидел, хлопал глазами и... чувствовал себя нелепым подростком... Самоуверенным, взбалмошным, глупым и... Беззащитным.

Он ушел. Расстворился в толпе. Нет, не исчез, не растаял – я видел, как он вышел из кафе, как он прошел по улице, мимо моего окна, даже рукой мне помахал на прощанье. А потом слился с людским потоком. Такой же, как и все...

Се, Человек...

Нервно затрезвонил телефон. Я подскочил на месте. Аккумулятор был в полном порядке...

Моя рука медленно поднесла к уху дребезжащее средство современной коммуникации.

– Слушаю... – глухо проронил я. – Нет, извините. Я приехать не могу. И завтра. Мне очень жаль, но я вынужден вам отказать.

Я не слышал, что мне ответили. Это было не важно.

Но едва телефон коснулся стола, как тут же снова зазвонил.

– Андрей? – я уже ничему не удивлялся. – Сын родился? Поздравляю!

Он позвонил не просто поделиться радостью. Он позвонил, чтобы предложить мне стать...

– Крестным?! Мне?! Да ты что, конечно не против! Просто не ожидал... Я? Крещеный, конечно... – я покосился на стакан чистой простой воды, которая совсем недавно была вином... божественным вином... библейским чудом... и добавил, – еще какой крещеный!

За окном было также пасмурно, но это меня уже не беспокоило – тоже мне, нашел повод для депрессии!

Одно только я не мог понять... Почему Он пришел мне на помощь? Ну ладно, был бы я праведником... Но я же подонок! Перед моим мысленным взором возникла его добрая, всепонимающая, мудрая улыбка. Неисповедимы пути Господни...

Я расплатился за кофе и шоколад и вышел на улицу. По всему тротуару лежала размазанная каша из мокрого грязного снега, который не успевали убирать. Я вгляделся, пытаюсь увидеть следы своего недавнего собеседника, но различить их в общей массе не представлялось возможным. Я даже не был уверен, оставлял он следы, или нет... Но одно я знал точно – Он есть. И еще – то, что он идет по городу, вот так, в толпе, неприметно, едет в метро или входит в чей-то дом или офис – к тому, кто больше всех сейчас нуждается в его помощи. Он здесь. Рядом с нами. В нашем городе. *Се, Человек...*

Облака

Облака сегодня были особенно красивы. Изысканный узор тончайшего белоснежного кружева не шел ни в какое сравнение с тем тяжелым грязно-серым полотном, которое небрежно бросили на небо и, видимо, забыли убрать – так оно и висело всю прошлую неделю... Висело, набухая все больше и больше, проливая на землю тяжелые грустные капли... Не иначе как уборщица ушла на выходной, а тряпку швырнула, где попало... Или вообще уволилась. Или ее уволили. Да и правильно – нечего таких распустёх держать. Вот из-за подобной безалаберности потоп и случился, не иначе... Зато сменщица ее – совсем другое дело. Старательная, аккуратная, вон какую красоту повесила, постаралась... Может, потому что новенькая? Да нет, вряд ли – узор мастерски выполнен, опытная рука чувствуется. Видать, по призванию работу себе нашла. Это хорошо. Те, кто создают облака, должны работать с удовольствием, потому как если не они, то кто?

«Ну, милый друг, у тебя и размышления!» – до боли знакомый голос невесело усмехается.

Ну вот, гляди ж ты, размышления мои ему не угодили. Какие есть...

«Ну, ты еще и разобидься тут!» – возмущается голос.

– Где?

«В смысле?»

– Где «тут»?

Он недовольно фыркает. А я развиваю мысль – интересно, значит, тут обижаться нельзя, а где тогда можно?

«Слушай, умник, хорош к словам цепляться!»

Ну вот, кажется, я его разозлил.

«Нет», – возражает.

– Только не говори, что ты никогда не злишься.

«Ну почему никогда? – хмыкает. – Бывает... Но для этого нужен очень серьезный повод».

– А я – не повод?

«Нет».

– Хм... Жаль... – чувствую себя и впрямь немного обиженным. – А без повода не умеешь?

«Нет».

– Научить?

Вздыхает.

«Когда ж ты успокоишься?» – в его голосе звучит усталое сожаление.

– А надо?

Молчит. Злится, наверное, все-таки, хоть и не сознается. Ну и пусть. Зато думать не будет мешать, а то ишь какой привередливый – то мысли у меня не те, то говорю не то, не так сидишь, не так свистишь, низко летаешь...

Да уж...

Тут он прав, как ни крути. Летаю я и вправду, не очень...

И только в одном направлении...

«Ты чего на крышу-то залез?» – мне чудится, или в его голосе действительно проскользнули беспокойные нотки?

– Не залез, а пришел, – почему-то спорю, по привычке, наверное. – На облака посмотреть.

«Из окна не видно?»

– Не-а...

Опять вздыхает. А меня это начинает веселить.

«Ты смотри только, без глупостей», – предостерегает.

– Это как?

Его молчание становится таким напряженным, что я не выдерживаю и прихожу ему на помощь.

– Не переживай, с крыши прыгать не буду, если тебя это, конечно, волнует.

Я был совершенно уверен, что в ответ он рассмеется, скажет, что его это волновать не может по определению, потому что если бы он так реагировал на все мои выходки, то... Что «то», я додумать не успел, поскольку ответил он коротко и очень проникновенно.

«Спасибо...»

– Да не за что, – я растерянно пожимаю плечами. – Я вообще-то и не собирался...

Он снова молчит. И мне все становится понятно.

– Или... – шепчу я, осторожно опуская взгляд на то, что находится «за краем»... Правильно сказать, «за краем крыши», но для меня – просто «за Краем»...

Слышу сдавленный стон.

– Да не переживай ты так, – спешу его успокоить, как только сам выхожу из оцепенения. – Сказал же, что не буду.

В очередной раз вздыхает. Не много ли за сегодня?

– Слушай, – спрашиваю просто для того чтоб заполнить неловкую паузу. – Тебе что, переживать больше не за кого? Или не за что?

Молчит... Я капризно надуваю губы. Мог бы сказать, что за меня переживает больше чем за всех, что, трудно, что ли? Доброе слово и кошке приятно. Не говоря уже... А мне и по-давно... Я ж эти добрые слова люблю больше всяких кошек вместе взятых! И ведь не верю в них, но все равно люблю. Падок на лесть, чего уж там... Как в песне поется, «давай-те говорить друг другу комплименты»... Ох, сколько я из-за этих комплиментов глупостей наделал! Ох, сколько еще наделаю!

Если только...

Еще один взгляд «за Край». Короткий, мимолетный...

– Эй, ты чего на крышу залез?!

Нет, ну сколько можно! Этот голос звучит уже у меня за спиной. Паломничество ко мне, что ли, организовали?! Сижу ведь, тихо, никого не трогаю, на облака смотрю...

– Работа у меня такая – на крыши лазать, – огрызаюсь.

Нервный смешок в ответ.

– Промальпинист, что ли? – недоверчиво усмехается.

Оборачиваюсь. Красавица, ну тебя-то что сюда прита-

щилю? Глаза заплаканные, волосы растрепанные, на плечах шаль. Кутается в нее, тонкие пальцы подрагивают – может, нервишки расшалились, а может, замерзла просто – ветер тут, как-никак... Шелковое платье, конечно, очень красиво фигурку облегает, но от холода не спасает... А на ногах туфли на шпильках – вот уж самая подходящая обувь для прогулки по крышам! Ах, она же ответа ждет! А я тут красотой девичьей любуюсь вместо того, чтобы... О чем она, кстати, спрашивала?

– А что, не похож?

– Нет.

– Ну нет, так нет, – соглашаюсь. – Тогда электромонтер.

– Врешь, – констатирует.

– Вру, – не отрицаю.

– Тогда кто?

Пожимаю плечами.

– А тебе кто нужен?

На красивое лицо набегают тени.

– Уже никто.

Понимающе киваю.

– Тогда тебе вон туда, – указываю на край крыши.

Вздрагивает.

– Да, конечно, – ее голос становится совсем бесцветным, слова почти растворяются в городском шуме.

– Сигаретку хочешь напоследок? Или лучше водки?

– Нет, спасибо...

– Ну как хочешь, дело хозяйское.

Девушка замирает.

– Только лучше всего прыгать не прямо отсюда, а во-он оттуда, чуть левее пройди.

– Почему? – искреннее недоумение.

Поднимаю глаза к небу.

– Ох уж эти женщины, – вздыхаю. – Ваше любопытство меня с ума сведет когда-нибудь...

– Почему? – осекается и пытается робко улыбнуться. Получается ничего так, но на Джоконду все же не тянет.

– Ну вот, опять... – поясняю устало. – Потому что вы у меня за сегодня уже восемнадцатая, а вопросы одни и те же.

Ее глаза и без того большие, становятся огромными.

– Восемнадцатая?

– Ну да, а что? Чем вам цифра не нравится? По мне так отличная. Восемнадцать – возраст свершений, душевных терзаний, возраст пламенеющих сердец и возвышенных стихов...

– Но какое это имеет отношение к... – замолкает, кусая пересохшие губы.

– К чему? А, ты об этом... Да никакого, впрочем.

Мой будничныи тон начинает выводить ее из себя.

– Это я так, к слову, – продолжаю. – Хотя ты права, давай вернемся к нашей теме. Итак. Левый край предпочтительнее, поскольку с той стороны нет никаких посторонних выступов. То есть, один шаг – и все. Дальше – свобода,

ни с чем не сравнимая радость полета, которая прервется лишь на один краткий миг удара о земную твердь, после чего воспаришь к тверди небесной, уже в другом качестве, познав упоительное ощущение чистого полета, не отягощенного грубой телесной оболочкой... А если шагнешь прямо, рискуешь встретить на пути балкон, дерево и много всяких других препятствий, а это, согласишься, радости полета не способствует, если ты, конечно, не умеешь лавировать в воздухе как высокоскоростной истребитель... Поломаешься, расшибешься, да еще и, не дай бог, выживешь... Не надолго, правда, но эти минуты, поверь, тебе покажутся вечностью.

Девушка стремительно бледнеет, на посиневшей губе появляется капелька крови.

– Зачем вы мне все это говорите? – ее голос срывается.

– Помочь хочу, – честно признаюсь.

– Помочь? – горько усмехается красавица, передернув плечами.

– Ну да... И потом, работа у меня такая. Кстати, – бросаю косой взгляд на часы, – не хочу тебя торопить, но не могла бы ты побыстрее решаться, будешь прыгать, нет, а то у меня рабочий день уже заканчивается, домой хочется, спасу нет. Я и так уже две недели без выходных, да еще и сверхурочно приходится... Хотя сегодня хотел вовремя освободиться, даже билеты в театр купил...

Интересно, насколько еще ее глаза могут расшириться? Вроде некуда уже...

– Простите, я не понимаю...

– А чего тут понимать? – ворчу. – Что я, по-твоему, в театр не могу сходить?

– Да нет, я не про театр...

– Вот-вот, потому что все вы – эгоисты! – возмущаюсь. – Только о себе и думаете. А что я из-за вас не могу отдохнуть культурно, никого не касается. Короче, будете прыгать? Быстрее давайте, пока еще кого-нибудь нелегкая не принесла!

– А... – изящные пальцы нещадно теребят шаль, – разве может еще кого-то... принести?

Я недовольно фыркаю.

– Еще как может! Думаете, почему я сверхурочно работаю? Только домой соберусь – еще кто-то лезет... А у меня в контракте четко прописано – при любом раскладе работаю до последнего гостя... Медом вам тут, что ли, намазано? Нет чтоб, раз уж жить надоело, спокойненько таблеточек дома выпить и задремать под любимую музыку, или, на худой конец, ножичком по венам, так нет, на крышу всех тянет... Я вот уже всерьез подумываю, может, мне тут летное училище открыть стоит?

– А вы... Кто?

– Кто-кто... Карлсон! – восклицаю в сердцах. Ее глаза в очередной раз удивляют меня своим размером, после чего девушка как-то странно вздрагивает и... начинает безудержно хохотать.

Я в ответ качаю головой.

– Женщины... Все бы вам хиханьки да хаханьки...

Смех у нее явно истерический, но это несколько ее не портит. К щекам робко возвращается румянец, синева медленно покидает губы.

– Вы – чудо! – выдыхает она, отсмеявшись.

– Утверждение довольно спорное, но все равно, спасибо.

– Нет, не спорьте, мне лучше знать.

Я только пожимаю плечами.

– Кто вы? – она повторяет вопрос совершенно серьезно, в ее голосе звучит такое напряжение, словно от моего ответа зависит ее жизнь. Впрочем, может, так оно и есть...

Кто я? Сумасшедший, который разговаривает с самим собой...

«Так уж и с самим собой? – ехидно вопрошает мой старый знакомый голос. – И кем же ты себя возомнил? Не высоко ли метишь?»

Ну вот, а иногда и спорит...

«Постоянно!»

Но тебе же нравится?

«Сам удивляюсь, как я тебя еще терплю!»

Хм, а я думал, что терпеть тебя приходится мне...

«Хам!»

А ты еще не устал от лизоблюдов?

– Я поняла! – вдруг восклицает девушка, по-своему истолковав мое молчание. – Вы ангел!

Ну вот, приехали... Голос у меня в голове заливается смехом – почти таким же, как несколько мгновений назад хохотала моя собеседница.

– Да уж, – качаю головой, – хорош ангел... Толкающий людей на самоубийство... Девушка, может, просто свежим воздухом подышать вышла, на облака полюбоваться, а я сразу порекомендовал, откуда прыгать сподручнее, да еще и сигаретку с водкой предложил... Как-то не вяжется со светлым образом, не находите?

Она фыркает – кажется, мое «упорство» веселит ее еще больше.

– Значит, вы нетрадиционный ангел.

– Нетрадиционной может быть ориентация, – пытаюсь ехидничать.

– Или методы лечения, – логично возражает девушка. – Но если хотите, – в ее глазах мелькают озорные огоньки, – буду называть вас ангелом с нетрадиционной ориентацией.

Оп-паньки! Дошутился...

– Спасибо, почему-то не хочется.

Она снова смеется. Небеса тоже. Даже облака складываются в некое подобие улыбки... А вот теперь и мне самому не помешает глоток чего-нибудь горячительного.

– Ну, не хотите быть ангелом, будете демоном-искусителем, – разрешает она.

– От спасибо! – всплескиваю руками. Нет, одним глотком тут не обойтись. – А чего попроще нельзя?

– Нет, – качает головой.

А я начинаю размышлять, кто из нас более сумасшедший. Девушка явно не в себе, раз первого встречного-поперечного готова принять за... Хотя чему я удивляюсь? В ее состоянии еще не то возможно... Правда, для человека, решившего сделать подобный шаг как-то быстро она перестроилась. Не моими же молитвами!

«Какая неуверенность в собственных силах! Я бы даже сказал, комплекс неполноценности!»

Неполноценности?! Даже если и так! А с чего мне себя по-другому чувствовать? Крылья мне!

«Приказываешь?» – удивляется голос.

Да боже избавь!

«Избавляю!»

Требую!

«Что?»

Крылья!

«О как!»

А то!

– Простите, задумался, – обращаюсь я к собеседнице. – Вы правы, чего греха таить... В общем, считайте, что вы правы – я и ангел, и демон.

Недоуменно поднимает бровь.

– То есть как?

– Да все просто, – небрежно машу рукой. – По совместительству. У нас там серьезное сокращение штатов – кризис,

сами понимаете...

Ее глаза становятся совсем уже нереальных размеров.

– У вас тоже?!

– Да, а что вас удивляет? Кризис – явление повсеместное.

– Но... – ее губ касается совсем детская улыбка, чистая, как глоток родниковой воды, – у вас же там денег нет...

– Вот именно, – киваю. – Представляете теперь масштаб нашего кризиса? Вообще нет денег! Так все запущено... Не разгребешь!

«Что-то ты раздухарился», – хмыкает голос.

Крылья мне!

«Нет!»

Тогда слушай дальше.

– Поэтому приходится на полставки подрабатывать, – продолжаю я нести околесицу.

В глазах моей слушательницы играют озорные искры.

– Одно уточнение: ангел подрабатывает демоном или демон подрабатывает ангелом? – весело спрашивает она.

– А вы как думаете?

Она прищуривается и напускает на себя серьезный вид, принимая правила игры.

– Я думаю, что демон, – после секундного размышления высказывает она предположение.

– Почему?

Девушка смеется над моей недогадливостью.

– Это же так просто! – восклицает она.

В самом деле... Задача для первого класса...

– Ну, смотрите. Вы предложили мне сигарету, выпивку...

– Ну и что?

– А то, что ангел не может предлагать таких вещей. Даже ради спасения жизни...

– Да я, собственно, и спасать никого не собирался...

– А еще вы врете все время! – чуть не подпрыгивает от радости.

– Слушайте, вы в Инквизиции, случайно, не работали? – пытаюсь язвить, но получается плохо, поскольку настроение отчего-то движется неровными скачками к неприлично высокой планке.

– Случайно? – переспрашивает она, опасно изгибая бровь.

Опасно, потому что я тоже начинаю хохотать, не заботясь, насколько придурковато это должно выглядеть. С моей стороны. Но не с ее. Это видно по едва заметной дымке, появившейся в ее взгляде. По музыке ее смеха, по пластике ее тела. Ее голос становится все ниже, движения – мягче. Кажется, она сама замечает происходящую с ней метаморфозу.

– Вы – точно демон, и не спорьте, – после небольшой паузы заявляет она.

Я только пожимаю плечами. Я стараюсь не спорить с женщинами. Особенно, когда они на меня ТАК смотрят.

А потом...

Голос в моей голове стонет в унисон старой кровати в тесной подсобке, которая кажется тесной только на первый

взгляд, на второй – вполне даже приличной, а на третий ее уже просто никто не замечает. Ушибленные конечности, саднящая кожа, сломанная мебель и разбитый цветочный горшок, в котором уже давно никто не живет, кроме щепоти засохшей земли и нескольких камешек керамзита – какое это, в сущности, имеет значение, когда...

– Спасибо тебе, – выдыхает она, свернувшись калачиком в моих объятиях – не слишком нежных, не слишком сильных, не слишком страстных... Нормальные у меня объятия, человеческие – какие они еще могут быть у...

– Теперь я точно знаю, ты – демон... – улыбается девушка.

– Ну, вот и определились, – наливаю ей вина. Откуда у меня здесь вино? Не спрашивайте, не отвечу.

– Или нет, ты – ангел...

– Разве что ангел смерти, – подмигиваю.

– Нет! – восклицает убежденно. – Тогда уж ангел жизни, ведь теперь мне так страстно хочется жить, как никогда не хотелось... Ты меня опять запутал, – нежно запускает пальцы в мои волосы.

– А ну и пусть. Так даже интереснее, правда? – мурлычу от удовольствия.

Она целует меня в лоб, после чего вдруг становится совсем серьезной и спрашивает, пристально глядя мне в глаза.

– Хочешь, я расскажу, что меня сюда привело?

Я, разумеется, не хочу. Отчасти из-за того, что ничего не хочу слышать, отчасти из-за того, что и без ее рассказа

и так все знаю. Но, разумеется, киваю. Это все, что от меня сейчас требуется.

И она начинает рассказывать.

Рассказ получается долгий и сбивчивый, периодически прерываемый рыданиями, сдерживаемыми и не очень. Я не перебиваю, только иногда успокаиваю, когда это требуется. Я слушаю. Рассказ о любви и предательстве, о радости и боли, о счастье и отчаянии, о бесшабашности и страхе, о силе и слабости. О том, что называют жизнью. От рождения до... попытки смерти.

«Слушаешь?» – просыпается голос.

А по мне незаметно?

«И как? Нравится?»

Вздыхаю. Нравится? Это очень слабо сказано. Да я все готов отдать за один день такой жизни, которую эта женщина называет неудавшейся!

«Все? И даже...»

Да, все. И ДАЖЕ. Даже то, о чем я мечтаю. То, что пытаюсь вымолить, выторговать, выкрасть, если это, конечно, возможно.

«Тебя не поймешь!»

Лукавишь, старый хитрец, ты-то меня очень хорошо понимаешь... Какое может быть сравнение между жизнью падшего ангела, пусть даже принимающего человеческое обличье и настоящей человеческой жизнью, с ее полнотой чувств, с болью разбитого сердца, с отчаянием от крушения идеа-

лов, с радостью от обретения надежд, а главное – с ни с чем не сравнимым ощущением счастья от создания новой жизни!

Почему демон не может стать человеком?! Ведь человек – несовершенен, он смертен, он уязвим, ему также как и демону недоступно чувство полета, он глух и слеп, он...

«Но?» – издевается, не иначе.

Но он чувствует, страдает, любит, находит, теряет, совершает ошибки и исправляет их... Он ЖИВЕТ!

«Ты сам ответил на свой вопрос».

Поясни, я сегодня на редкость плохо соображаю.

«Быть демоном – наказание. Быть человеком – счастье».

Доступное только ангелам?

«Ангелам? – смеется. – Назови мне хоть одного ангела, который стал человеком. Бери выше».

Я чувствую, как все во мне опускается.

«Лучше уж сосредоточься на крыльях. Эта мечта хотя бы осуществима».

Тогда крылья мне!

«Я сказал – мечта. Ей необязательно сбываться».

Тогда зачем она нужна?

«Мечта должна быть всегда. Чтобы греть душу. И чтобы было к чему стремиться. Без мечты даже человек превращается в животное».

А животным я могу стать?

«Ты это серьезно спрашиваешь?» – Он, кажется, откро-

венно развлекается, наблюдая над моими метаниями.

Да нет, так, просто теоретически. Для информации.

«Займись лучше девушкой, теоретик, а то она опять на крышу побежит, решив, что ты ей больше не интересуешься».

Без тебя разберусь!

«Разбирайся... И все-таки ты выбрал очень странный путь к своей цели», – замечает он.

Отчего же?

«Насколько я помню, ты в свое время лишился крыльев именно из-за того, что соблазнил одну женщину. А теперь всерьез считаешь, что я тебе их верну из-за того, что ты то же самое проделал с другой? Прости, но твоя логика меня потрясает!»

Рад, что хоть чем-то смог тебя удивить!

Да, когда-то именно женщина лишила меня того, чем я тогда не дорожил, и за что сейчас готов отдать все на свете. Да, когда-то из-за женщины я перестал быть тем, кем был раньше, и стал тем, кто я есть сейчас. Но... Надо же стараться исправлять свои ошибки, ведь так?

«Но не таким же способом!»

А почему бы и нет?

«Да как тебе вообще могло прийти в голову, что...» – он осекается, и я понимаю, что в ее словах прозвучало что-то такое, что удивило его еще больше, чем мое безрассудное поведение.

О чем она, кстати, говорит?

— ...Я поняла, что беременна, а он... Тогда во мне все перевернулось, и я пошла на крышу...

Прилагая поистине нечеловеческое усилие, чтоб не расхохотаться в голос и сохранить скорбно-участливое выражение лица, буквально воплю мысленно:

Крылья мне!!!

Голос переводит дух, после чего раздражается возмущением:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.